

В десяти тысячах ли отсюда, в Пэнлае, перед входом во дворец Люяо стоял прямоугольный гроб из сандалового дерева. Посол, прибывший из Инчжоу для сопровождения, протянул черную табличку мужчине в белых одеждах, который стоял неподалеку, статный и величественный.

Выше, на постаменте, покоилась Божественная Черепаха Сюаньмин. На ее панцире все еще виднелись следы ожогов, но это ничуть не умаляло ее грозного, величественного вида.

Вэй Шань долго молчал, так и не проронив ни слова.

Внутри дворца Бинтянь:

— Отец.

Вэй Шань преподнес табличку Вэй Чанъяню, ставшему к тому времени правителем Пэнлая, и почувствовал себя так, словно с его плеч свалился тяжелый груз.

— Срок десятилетнего обета почти истек. Ты отправишься со мной к Небесному алтарю на земли Чу.

Вэй Чанъянь говорил об этом небрежно, будто обсуждал, что сегодня будет на обед.

— Сын не может выполнить этот приказ, — ответил Вэй Шань. Он и так упустил слишком много возможностей встретиться с ней.

Вэй Чанъянь приподнял бровь, отложил донесения и, не спеша ступая в своих императорских одеждах, подошел к сыну. Он слегка похлопал его по плечу:

— В этот раз на поклонение к Небесному алтарю придут все три сына Лян Дицзюня.

Вэй Шань опустил глаза, не понимая, к чему ведет отец.

Вэй Чанъянь был весьма любезен и поспешил прояснить ситуацию:

— Пэнлай, Инчжоу и Фанчжан заключили мирный договор. После поклонения алтарю каждая страна отправит детей своих правителей в другие государства для обучения. Я решил, что ты отправишься в Инчжоу.

— А кого Инчжоу пришлет к нам?

— Лян Сесяо!

— С чего отец так уверен?

Вэй Чанъянь ответил глубокой, многозначительной улыбкой.

Он годами скрывался в Пэнлае, сменив обличье, чтобы захватить власть. Он действовал осмотрительно, шаг за шагом, и без жестких методов здесь было не обойтись. Иначе как бы он удержался на троне?

К тому же, с древних времен тот, кто обретает доверие народа, обретает и Поднебесную.

Вэй Шань уже успел завоевать сердца жителей Пэнлая. Если позволить ему уйти, кто знает, какие перемены могут произойти? Он был словно воробей в клетке: пока он в руках, пока его жизнь зависит от того, разожмешь ты ладонь или сожмешь, можно спать спокойно.

— Если отец отправляет меня в Инчжоу, то кто же отправится в Фанчжан?

Вэй Чанъянь рассмеялся, подняв голову, и дважды хлопнул в ладоши.

Из-за жемчужной занавеси вышла изящная девушка в белом, ступая легко и грациозно.

Вэй Шань нахмурился. Это она!

— Дочь Шу Мэн приветствует отца.

— Это моя новообетенная дочь, твоя новая младшая сестра — принцесса Шумэн.

Янь Шумэн улыбнулась, в ее глазах не было ни тени прежних чувств, словно они никогда прежде не встречались.

Десятилетнее поклонение Небесному алтарю длилось три дня, и правители всех стран придавали ему огромное значение. Во-первых, чтобы молить о благоприятной погоде и процветании государств; во-вторых, чтобы укрепить дружбу между союзниками; в-третьих, это был редкий повод для встречи родственников.

В первый день, когда дневные ритуалы завершились, Ци Сихэ, сменив парадные одежды, стояла на берегу озера Ванчуань. Темно-синяя гладь воды отражала лунный свет.

— Тетушка.

Позади раздался нежный голос.

Ци Сихэ обернулась, и ее холодный, строгий взгляд мгновенно смягчился:

— Цзесянь?

— Это я, тетушка.

Ци Цзесянь в своей шапочке с бабочками и платье с застёжками-узелками поклонилась по правилам страны Фанчжан.

— Скорее вставай, дай мне на тебя посмотреть. Десять лет прошло, ты стала такой красавицей, настоящая жемчужина.

Ци Сихэ, обычно холодная и немногословная, не скупилась на похвалу.

Ци Цзесянь слегка покраснела, но не забыла спросить о здоровье тетушки:

— Как вы поживаете в Инчжоу? Здоровы ли? Как питание...

— Столько вопросов, — заметила Ци Сихэ, — а самого главного я так и не услышала.

Ци Цзесянь в замешательстве опустила глаза и, теребя пальцы, пробормотала:

— Э-это... все вопросы были важными...

— Вот как? Тогда мне стоит подумать, стоит ли говорить тебе, что сейчас твой братец Сяо в шатре обсуждает план церемоний на следующие два дня.

Восемнадцатилетняя Ци Цзесянь по-детски топнула ногой и кокетливо проворчала:

— Не буду больше с вами разговаривать, тетушка!

Сказав это, она убежала.

Молодость, кипучая энергия. Едва эта мысль промелькнула в голове, как в поле зрения возник еще один силуэт. Тени деревьев сдвинулись, явив твердый, решительный профиль.

— Давно не виделись.

Мужчина улыбнулся, и в этой улыбке сквозила глубокая нежность, хотя его взгляд словно пытался сдержать что-то внутри.

Ци Сихэ ответила улыбкой:

— И правда, давно, старший брат.

Пришедшим был правитель Фанчжана — Ци Паньши.

Ночной ветер пробежал по озеру Ванчуань, разбив лунное отражение на мелкие осколки. Он накинул свой изящный халат на ее хрупкие плечи, но тут же отступил, произнеся тоном старшего брата:

— В горах Лишань по ночам холодно, береги себя.

Ци Сихэ приняла заботу родственника с достоинством.

— Он... хорошо к тебе относится? — тщательно подбирая слова, спросил Ци Паньши.

— Конечно, — Ци Сихэ выдавила безупречную улыбку. — Поздно уже. Завтра важная церемония, я пойду.

Проводив ее взглядом, Ци Паньши позволил своей спокойной маске сползти. Вода в озере дрожала, вторя его сердцу.

Когда Ци Цзесянь вошла в шатер, три брата Лян были поглощены обсуждением дел.

— Мешаем? — Лян Сехань, поигрывая веером, насмешливо произнес: — Кто это у нас? Неужели наша повзрослевшая кузина Цзесянь...

Ци Цзесянь застенчиво улыбнулась всем троим, но ее взгляд невольно метнулся к мужчине за главным столом. Ее щеки вспыхнули.

— Что привело тебя так поздно, кузина? — Лян Сечэнь, будучи человеком опытным, сразу понял, к чему она клонит. Но некоторые чувства лучше подавлять в зародыше, иначе быть беде.

— Я... мне нужно поговорить с братом Сяо наедине...

Лян Сесяо наконец поднял глаза, посмотрел на нее холодным, глубоким взглядом и тут же равнодушно опустил их обратно:

— Здесь все свои. К чему уединяться?

Иными словами: говори прямо, не тяни.

Ци Цзесянь замялась, но, набравшись храбрости, задала вопрос, мучивший ее годами:

— Ты... ты собираешься жениться на новой невестке?

Ци Сихэ вернулась в свой шатер, где керосиновая лампа потрескивала от пламени.

— Вернулась?

От неожиданного ленивого голоса Ци Сихэ вздрогнула, но в глубине души почувствовала странное волнение, словно охотник, неожиданно поймавший редкую птицу.

Лян Дицзюнь искоса взглянул на жену, которая, сняв парадное платье, выглядела немного суетливой. Он невольно поправил одежду; его обычное спокойствие при виде ее исчезло без следа. Его брови сошлись на переносице, особенно когда он увидел то самое платье, которое она так бережно убрала — оно словно ослепило его, как будто кто-то бросил тяжелый камень ему на сердце, перекрыв дыхание.

Ци Сихэ не заметила перемены в его настроении и мягко спросила:

— Ты уже закончил дела?

Мужчина резко захлопнул книгу и поднялся.

— Ваше Величество, — растерянно позвала она, словно заблудившийся лебедь, — ты не вернешься сегодня в шатер?

Это обращение вызвало у него лишь раздражение.

— Королева может спать одна.

Он взмахнул рукавом и вышел, не оглядываясь.

Ци Сихэ почувствовала, как силы покинули ее, словно из нее вынули душу. Лунный свет заливал шатер, холодная лампа догорала, и она, обхватив себя руками, горько усмехнулась.

Лян Дицзюнь приближался к совещательному шатру, когда мимо него пронеслась чья-то фигура. Девушка прикрывала лицо, всхлипывая.

— Дядюшка...

В ее голосе слышалась бесконечная обида.

Только что статный Лян Сесяо, нетерпеливо нахмурившись, холодно отрезал:

— На ком я женюсь — тебя не касается.

Принцесса, которую с детства носили на руках, не могла смириться с таким пренебрежением. Обида, словно гигантская волна, накрыла ее с головой, и она убежала, не сказав больше ни слова.

Лян Дицзюнь вошел в шатер. Его сыновья о чем-то спорили, атмосфера была накалена до предела.

Старший, обычно мягкий Лян Сечэнь, был непреклонен:

— Это дело решено!

— Я не согласен.

Лян Сесяо был холоден, как неприступная ледяная гора.

Второй брат, Лян Сехань, пытался их примирить, но никто его не слушал.

— Что за великое дело заставило моих сыновей схлестнуться в споре? — Лян Дицзюнь заложил руки за спину и неспешно подошел к столу. — Второй, говори ты.

— Отец, — перебил его Лян Сечэнь, — прошу, позволь мне отправиться послом в Пэнлай.

Его взгляд был полон решимости.

Лян Сесяо, чей взор был холоден, как ночь на горе Лишань, аргументировал:

— Отец, в Пэнлае горы крутые, а климат суров. У старшего брата слабое здоровье, ему нужен покой, к тому же у него только родился сын — он не может ехать. Прошу, издай указ, чтобы я отправился вместо него.

— Третий брат, не спорь со мной, ты нужнее в Иншане.

— А твоя жена и сын нуждаются в тебе.

— Хватит, — Лян Дицзюнь обвел взглядом сыновей, — дайте мне подумать.

Видя, что они хотят продолжить, он нетерпеливо махнул рукой:

— Уходите.

Как только они вышли, они вдруг осознали нечто странное.

— Отец, кажется, это мой шатер, — заметил Лян Сехань.

Мало того, что он предоставил свой шатер для совета, так его еще и выгнали?

Лян Дицзюнь: «...»

Он слегка откашлялся, чтобы разрядить неловкую обстановку:

— Твой шатер... я тут осмотрелся, очень даже неплох.

— И что дальше?

— Прикажи своим людям построить еще один.

Лян Сехань: «...» Неужели так можно?

Лян Сечэнь и Лян Сесяо переглянулись, их враждебность мгновенно улетучилась, и они не смогли сдержать смеха.

Они сочувственно похлопали брата по плечу:

— Ты справишься.

Он закатил глаза, чувствуя, как сердце холодеет от такой несправедливости.

На шумном рынке было не протолкнуться.

— Тетушка Чжан, почем чеснок?

— Это ты, Хун Сяо? Как всегда, с тебя две монетки.

— Хорошо, дайте два цзиня.

Хун Сяо достала из кошелька деньги, как вдруг ее кто-то толкнул. Вспыльчивая девушка уже приготовилась устроить скандал, но тут заметила, что толпа расступается, образуя длинный коридор.

Она вспомнила, что церемония поклонения завершилась, и делегации возвращаются домой.

В конце улицы показался Третий ван на коне, а за ним — стройная процессия, входящая в город.

Девушки вокруг уже вовсю краснели и махали руками. Хун Сяо лишь фыркнула: как бы сильно вы ни старались, Третий ван уже занят.

Он принадлежит моей госпоже!

— Кто это в карете, украшенной нефритом и перьями?

— Где? Где?

Хун Сяо, небрежно взглянув, отвернулась.

— Кто это расстроил нашу Хун Сяо? Лицо такое, будто весь мир должен ей денег?

Цзи Фаньинь отложила иголку и с полуулыбкой посмотрела на нее.

— Ничего.

Но на ее сморщенном лице было написано: «У меня полно проблем».

Цзи Фаньинь мягко улыбнулась:

— Не скажешь?

Хун Сяо не могла устоять перед таким тоном своей госпожи и, конечно же, выложила все, сгорая от возмущения.

Цзи Фаньинь же зацепилась за другое:

— Он вернулся?

Ее ясные глаза, словно умытые утренней росой, засияли.

— Да, — Хун Сяо схватила ее за руку, — госпожа, я же говорю, Третий ван лично сопровождал золотую карету, а внутри сидела женщина!

— Наверное, посол для обучения, — ответила Цзи Фаньинь, продолжая шить.

— Но почему люди говорят...

— Что говорят?

Хун Сяо прошептала это так тихо, что едва можно было разобрать, но Цзи Фаньинь все услышала. Она лишь беззаботно улыбнулась, словно нежный цветок груши.

В мире так много красавиц, если обращать внимание на каждую, так и до болезни недалеко.

Она опустила длинные ресницы, похожие на крылья бабочки, и небрежно спросила:

— А кого Пэнлай отправил послом?

Ответом ей была долгая тишина.

Сердце Цзи Фаньинь екнуло, словно фарфоровая чашка, ударившаяся о стол.

Семья Гу погибла, а власть захватил бывший наставник государства Вэй — Вэй Чанъянь. А его сын — это же...

Вэй Шань!

Она на мгновение напряглась, но тут же расслабилась. Не стоит слишком глубоко погружаться в прошлое, лучше смотреть вперед. Тем более, у нее теперь есть чувства, которые стоит беречь!

Стоило ей подумать о Лян Сесяо, как ее губы сами собой изогнулись в нежной улыбке.

— Прошу, принцесса Яохуа, остановитесь.

Перед воротами поместья Вана воины преградили путь Ци Цзесянь.

— Дерзость! Вы же видите, что приехала принцесса, почему не пускаете?

— Шао Яо, — Ци Цзесянь остановила служанку и, мягко улыбнувшись воинам, сказала: — Передайте, что у меня срочное дело к брату Сяо.

— Прошу прощения, принцесса, но Третьего вана действительно нет в поместье.

— А куда он отправился?

— Простите, не могу сказать.

Ци Цзесянь немного постояла, а затем села на каменные ступени, ее платье расплылось по камню, словно лепестки лотоса.

— Принцесса... — Шао Яо в панике попыталась поднять ее, — может, придем завтра?

Это роняло достоинство принцессы.

— Ничего, я подожду здесь, пока брат Сяо не вернется.

Ци Цзесянь достала из-за пазухи нефритовую флейту. Говорят, ее сделали из кожи людей-рыб цзяожэнь, вымоченной в вечных льдах.

Легенды гласят: цзяожэнь — существа с рыбьими хвостами, прекрасные, поющие и плачущие жемчугом. Несколько лет назад один торговец преподнес эту флейту ее отцу, а тот, зная любовь дочери к музыке, подарил ее ей.

Сегодня день рождения брата Сяо, и она во что бы то ни стало хотела вручить ему этот подарок лично.

<http://bllate.org/book/25721/3075308>